

15 Grossi E. Greek Kleroteria: the first randomization technique? // *Lancet*. Vol. 365. January 15, 2005. p. 216. [WWW документ] http://66.102.9.104/search?q=cache:cHRPKvz2300J:www.prevention.ch/lancet140105r_pdf+Grossi+kleroteria+first+randomisation+technique&hl=ru. Термин «randomisation» в 1926 году

впервые ввел *R.A. Fisher*, занимавшийся проблемами сельскохозяйственной науки. (Там же).

16 См.: *Бузескул В.П.* История афинской демократии. С. 290-301; *Остерман Л.* О Солон! История афинской демократии. М., 2001. С. 209-250.

ЧТО ТАКОЕ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

С.И. Емельянова

Емельянова Светлана Ивановна
аспирант УрГУ

Что такое идентичность? В чем ее сущность? Есть идентичность этническая, гендерная, социокультурная, персональная, гражданская, космополитическая и даже межнациональная, но нет просто идентичности. Это говорит только о том, что идентичность утверждается лишь в соответствии, она появляется тогда, когда есть отношение, в противном случае вопрос о ней попросту не встает. Следовательно, идентичность всегда проявляется в противоречии.

В социологии термин «идентичность» первоначально использовался для описания кризисов, которые ощущали на себе расово-этнические и религиозные меньшинства для того, чтобы описать нарастающие тревожные ожидания в связи с утратой смысла индивидуального существования различных образований такого рода.

Впервые термин «идентичность» был использован в работах Д. Рисмана «Одинокая толпа» и «Идентичность и тревога». Но более разработанная теория идентичности получила развитие в работах Э. Эриксона, который расширил систему понятий, связанных с этим термином, открыв дорогу социальному психоанализу. В

работе «Идентичность: юность и кризис» автор замечает,¹ что позитивная черта «субъективного вдохновенного ощущения тождества и целостности» противопоставляется негативной черте неприятия другой целостности. Причем негативная черта столь же необходима для конструирования идентичности, как и положительная.

Формирование идентичности предполагает процесс одновременного наблюдения и отражения, посредством которого индивид оценивает себя, происходит на всех уровнях психической деятельности. Индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой. В то же время он оценивает их суждения и с точки зрения собственного восприятия в сравнении с ними и с типами, значимыми для него. Этот подсознательный процесс постоянной дифференциации начинается со встречи ребенка с матерью и продолжается в течение всей жизни через те прикосновения, которые содействуют познанию и узнаванию другого. Процесс тесным образом связан с социальностью, поэтому нет ничего удивительного в том, что все кризисы идентичности имеют отношение к кризисам в обществе. «Социальное Я», особое измерение индивида, Эриксон настоятельно советует не путать с «коллективным Я». Общество, в отличие от личности, не имеет качества субъективности, его можно использовать лишь метафорически, это атрибут индивида.

Взаимосвязь между развитием отдельного человека и историей, психологией и обществом, где формирование идентичности играет роль прототипа для социума, может быть осмыслена, по мнению Эриксона, только как род психологической относительности. Суть не в проявлениях идентичности, не в образе Я, не в ролях, исполняемых индивидами, хотя они могут стать доминирующими аспектами поисков идентичности. Психологическому подходу не хватает теории развития человека, которая занялась бы этим явлением, учитывая его истоки и направление. Поэтому изоциренный психоанализ, который, по замыслу исследователя, мог бы учитывать окружающую среду как вне, так и внутри человека, должен дополниться социальной психологией.

Интерес к идентичности проявляется в связи

с участвовавшими разговорами об исчезновении субъекта на страницах постмодерных исследований. Часто употребляемый термин «толерантность», появляющийся рядом с исследуемым, указывает на обратное идентичности отношение, которое не выстраивает границы, но, скорее, разрушает их. Проблема, я думаю, возникла в результате усиленных призывов общества к толерантности, климат которой вреден для идентичности. Тревожные ожидания в обществе вызваны тенденцией к «принятию Другого». Это сказывается на идентичности, которая попадает в кризис. Главная идея в том, что процессы формирования толерантности и идентичности противоположны друг другу. Когда субъект толерантно относится к объекту толерантности, он подвешивает свое несогласие с другим и этим нарушает свою идентичность. Обратный процесс, процесс утверждения идентичности, нарушает толерантность.

Всякая идентичность творится в процессе нарциссизма. Ж. Деррида напоминает, что любовь к себе является тем первым условием, что дает возможность для появления любви к другому.² Вначале человек может любить только себя, он знает только свое желание, и это является основанием для его выживания. Восприятие себя предполагает такую направленность, которая возвращается к себе от себя же. Это похоже на крик «Я!!!», который оглушает самого кричащего, не знающего изнутри никого, кроме себя. Так вот, для толерантности характерно смещение этого восприятия, переключение на внешнее в ущерб внутреннему. Даже умеренный скептицизм по отношению к себе рушит границы идентичности.

Кризис идентичности связан с тем, что в некоторый момент истории любовь к другому перевешивает любовь к себе. Признание идентичности другого способствует толерантности, но разрушает собственную идентичность. Наблюдаемые изменения, фиксируясь подсознательно, вызывают ответные действия со стороны ее укрепления - это вопрос выживания. Поскольку человек живет в со-бытии, в пространстве между развитием и деградацией, движением вперед и откатом назад, можно было бы предположить, что вышеупомянутые процессы - суть его проявлений. Определить их величину, тем самым зафиксировав себя в некотором положении, - означало бы отвернуться от события, признав одномерность бытия. Но жизнь показывает другой пример. Как будет происходить ход событий - не предусмотреть - как не увидеть свою идентичность неким целым. Одно ясно: идентичность в этом ракурсе - обратная сторона сближения, это некое дистанцирование от полного слияния с другим во имя сохранения своего Я, которое является сутью выражения своего бытия, того, что отличает данную статью от других, описывающих этот же феномен.

Если представить картину развития

идентичности целиком, происходит следующее: субъект, появляющийся в мире со-бытия, начинает осознавать себя в существующем многообразии вещей. Осознать себя - значит придать своему существованию смысл, а значит - и повод к ее продолжению и развитию. Осмыслить себя - это значит придать своему Я такую ценность, которая позволит начать общение с миром. Что значит Я? Это субъект, который начинает диалог с выражения себя. Субъект вкладывает в свое выражение представления о некоем идеале, которым может быть Я, одновременно добавляя из своей памяти события прошлого, которые, в свою очередь, тоже воспроизводят тот образ, что складывается в настоящем событии в процессе означивания своих действий и поступков. Для всего этого процесса в целом необходимо время. Время позволяет внести коррективы в выражение себя, своей идентичности, а также выяснить, что на ее корректировку оказывает воздействие не только активность, но и пассивность (т.е. активность мира, по большому счету). Идентичность, как некое единство, совокупность узких определений Я, понимаемая как тождество, получает характеристики процесса изменяемой самости, которой свойственно меняться в соотношении с проявлениями окружающего мира, которым может быть и Природа, и Другой, и Многое. Таким образом, идентичность сама вбирает в себя определения многого, ставя под вопрос выражение единого Я.

Такой парадокс говорит о жизненном противоречии между Единым и Многим, Я и МЫ. Я, как некая идентичность, единство своих характерных свойств, или попросту характер, выстраивает себе заслон, защиту от посягательств на ее индивидуальность, и эти границы поднимаются столь высоко, что заслоняют свет для другого существования. В начальный период всякое бытие стремится обозначить себя как себя, оно заявляет о себе желанием жить, не замечая вокруг ничего, кроме себя, это инстинкт самосохранения. Когда видишь в мире столь огромное количество проявлений, всегда хочется прокричать о себе и каким-то образом выделиться. Отличие именно в выражении своей идентичности. Но это выражение, поскольку оно отличается от других таковых, сталкивается своей непохожестью с другими. Столкновение проявляется в противоречии, которое рождается от встречи двух идентичностей (например, таких, как Единое и Многое), каждая из которых выражает себя: проявляет себя как Я в речи, заявляя о своем желании быть. Выражение, как форма бытия, наделяет жизнью Я, но и вводит в то же время наличие многого.

Я, такая, какая есть, проявляю, выражаю себя именно в противоречии с другими. В этот момент я есть некое Единое, тождество с самой собой в противовес другим как проявлению Многого, и я права. Мое единство выражается в имени, которое является моим бытием. Мое имя, моя идентичность,

отличается от всего многого, но я являюсь частью последнего, не только потому, что я сама буду частью многого в обратном отношении, но и потому, что моя идентичность, мое Я, состоит из множества свойств, качеств, состояний. Т.о., я как Единство состою из Многого, а кроме того, проявляюсь как Единство по отношению ко Многому. В довершение всего, само единство – результат существования многого. Единое, т.е. само Я, без отношения ко Многому в принципе не существует. Я как Я определяется только в противоречии. И это тот самый парадокс, в который попадает тот, кто стремится определить себя.

Я проявляю себя вразрез с миром. Расстояние между нами, так же, как и расстояние между единым и многим, заполняется правилами и нормами этического содержания. Мораль такова: туда не ходи, сюда не ходи, если не хочешь потеряться, потерять свою идентичность, которая растворится во множестве. Но идентичность стремится к толерантности, к познанию, поэтому разрыв между Единым и Многим всегда стремится заполниться, идентичность всегда открыта изменению - нарицает себя многими именами по отношению к другим таким же идентичностям. А любая толерантность как многое движется в сторону идентичности, как стремление видеть себя единым, одним.

Любая интерпретация хороша уже тем, что она есть. Именно интерес к трактовке порождает смысл. Интерес проявляется в задавании вопросов самому себе. Он является тем условием, которое придает существованию идентичности статус бытия. Идя от себя, субъект выказывает интерес к миру, возвращаясь к себе после прикосновения с ним, осмысляет это прикосновение, наделяя его бытием, и, таким образом, интерпретация получает историю. Результат этого процесса - открытие себя миру и мира для себя из мира, который был «в», но решил открыться, выразить себя в ответ тому, кто в свою очередь, выразил через свое Я тот внутренний мир, что прятался внутри него. И это настоящее открытие! Не только себя, мира, но и со-бытия, которым становится каждая история выражения. Идентичность получает свое выражение только благодаря тому, что существует другая идентичность, которая может ей противоречить, а тем самым - вести диалог, в котором не один, а по меньшей мере, два пути: от себя и к себе. Т.е. идентичность существует только

в отношении события.

Итак, пора подвести итоги: что же такое идентичность? Это выражение своей причастности к миру, которому придается статус бытия, и которое есть условие продолжения и возобновления жизни, а также основание для общения и рассуждения, в нем отражается сущность неповторимо уникального существования отдельной личности, соответствующая воплощению внутренне присущей идеи в действительности в процессе развития, и зависящая от восприятий, представлений и предпочтений как самого индивида, так и мира в целом, играющая роль объединяющего, а также разделяющего принципа в отношениях между людьми.

Определение получилось культурно нагруженным, но оно отражает принцип события: это выражение себя в жизни с другими. Для идентичности главное содержится в противоречии, это стимул для развития и для выражения себя и мира. В заключение мне хотелось бы рассказать одну притчу о детях, поймавших бабочку, которую они зажали в ладонях и решили показать ее своему учителю, спросив при этом, жива ли мертвая бабочка. Дети задумали хитрость: если учитель скажет, что если бабочка жива, то не может быть мертвой, - они ее незаметно «придушат», показав мертвую, а если он ответит, что живым не может быть мертвое, - они выпустят ее на волю. Учитель был мудр. Он ответил, что все находится в их руках. И правда, в наших руках находятся как жизнь, так и смерть. В наших руках находится как единое, так и многое, как выражение себя одним, но многими поступками. В наших руках находится наша идентичность, как и наша толерантность. В свете данной проблемы это означает, что дело вовсе не в том, нарушается или укрепляется идентичность. Жизнь - это ведь не поиск позитивности среди «нагромождения» негативностей; важно, что есть как то, так и другое - как событие нашего со-бытия, благодаря которому мы можем жить, выражать ее по-своему и, таким образом, общаться, открываться и открывать.

1 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 28-33

2 Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С 329-333